

Ричард Уокер, Дэниел Бак

КИТАЙСКИЙ ПУТЬ¹

ГОРОДА НА ПЕРЕХОДЕ К КАПИТАЛИЗМУ

Современный Китай переживает непрерывный процесс трансформации — от лесов строительных кранов в прибрежных городах до гигантских инфраструктурных проектов во внутренних областях. Не менее впечатляющим выглядит и его экономическое развитие: Китай теперь занимает четвертое место в мире по объему ВВП, совершив резкий рывок с одиннадцатого места, которое он занимал в 1990 году. И уже накопилось немало свидетельств стремительного перехода этой страны к капиталистической экономике: товаризация земли и труда, появление частных предприятий, формирование финансового капитала — вот лишь некоторые из них. Тем не менее, китайские ученые странным образом отказываются применять марксистскую теорию перехода к капитализму — и связанную с ней теорию первоначального накопления — к китайскому случаю. Напротив, они весьма вольно используют термины вроде глобализации, маркетизации, постсоциализма, по-видимому, не сознавая, насколько происходящие в Китае преобразования схожи с развитием капитализма в Европе и Северной Америке, не говоря уже о многочисленных примерах «позднего развития» в странах Азии и Латинской Америки.

Сравнение с историческим опытом возникновения капитализма на Западе позволяет высветить три недостатка современных китайских исследований. Первое распространенное заблуждение состоит в преувеличении уникальности Китая в сравнении с общим процессом перехода к капитализму. Речь не идет о каком-то безоговорочном принятии неолиберальных построений Томаса Фридмана или прямолинейного марксизма, которые предполагают, что остальной мир должен повторить экономическую историю Британии или Соединенных Штатов. Хотя капитализм имеет универсальные элементы, путь к нему может принимать множество различных форм, в зависимости от истории, географических условий и политики. Подобно вирусу, капитализм не может выжить без живых носителей, ДНК которых он меняет для

1 Richard Walker and Daniel Buck, «The Chinese Road», *New Left Review*, July-August 2007, no. 46, p. 39–66.

своего воспроизводства. И потому можно говорить о «капитализме с китайской спецификой».

Второй ловушкой, в которую попадают специалисты по Китаю, является одержимость социалистическим прошлым. Конечно, маоистская эпоха во многом повлияла на нынешнее развитие страны, и Китай имеет общие черты с другими бывшими социалистическими странами. Но он заметно отличается от большинства постсоветских и восточноевропейских стран, так как в нем не произошло резкого схлопывания государства, партии и экономики. Наоборот, авторитарное государство определяет экономическую политику, а коммунистическая партия продолжает монополизировать политическую жизнь. Тем не менее, Китай в XXI веке больше нельзя называть «поздне-социалистическим» или «рыночно-социалистическим» государством.

На наш взгляд, лучше сравнивать его с опытом капитализма на Западе. Но здесь таится третья опасность, когда сравнение производится только с современным состоянием развития мира — от поисковых машин до мегамоллов. Мало кто замечает поразительные сходства с прошлым Европы и Северной Америки, вроде массового переселения из деревни в город и постепенного создания банковской системы. Такие процессы разворачиваются десятилетиями, и большая часть Китая по-прежнему остается докапиталистической. И все же, по прошествии почти трех десятилетий после перехода КНР на капиталистический путь развития вместе с рыночными реформами Дэн Сяопина 1978 года, коммунистическое руководство не в состоянии загнать джина обратно в его бутылку. «Рыночные императивы вскоре оказались неконтролируемыми», — замечают Мартин Харт-Ландсберг и Пол Беркетт, — «китайская экономика теперь следует преимущественно капиталистической логике». Или, как язвительно замечает Роберт Уэйл, вместо того чтобы «использовать капитализм для строительства социализма», реформаторы «использовали социализм для строительства капитализма»².

Центральную роль в марксовом описании первоначального накопления играют экспроприация производителей для создания рабочего класса, появление капиталистического класса с большим первоначальным капиталом и развитие внутреннего рынка. К этому можно добавить товаризацию земли, рост городов и расширение пространственного разделения труда, а также переход к современному буржуазному государству. Мы последовательно рассмотрим каждый из этих элементов.

Особое внимание здесь будет уделено городам, в которых переход к капитализму был особенно интенсивным, но это не значит, что преобразования в сельском хозяйстве не были важны для всего процесса. Эпоха «реформ» в деревне началась с отказом от коммун и введением системы ответственности домохозяйств после 1978 года, после чего последовал бурный рост городского и сельского предпринимательства. Но за последние двадцать лет

² Martin Hart-Landsberg and Paul Burkett, *China and Socialism: Market Reforms and Class Struggle*, New York 2005, pp. 31, 58; Robert Weil, *Red Cat, White Cat: China and the Contradictions of Market Socialism*, New York 1996, p. 230.

в городах произошло усиление индустриализации, пролетаризации, накопления, строительства и консьюмеризма, хотя они по-прежнему остаются связанными с товаризацией земли, рабочей силой и потреблением в сельских областях и изъятием излишков у крестьян и сельского хозяйства³.

СОЗДАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

История создания английского рабочего класса хорошо известна, как и формы, которые этот процесс принял в Европе и Северной Америке. Крестьяне, ремесленники и мелкие производители вынуждены были покидать насиженные места, лишаясь средств к существованию из-за огораживания или рыночной конкуренции со стороны более производительных капиталистических предприятий в сельском хозяйстве и промышленности. Кто-то шел в батраки, но большинство в поисках работы переселялось в города, в результате чего к 1800 году Лондон стал крупнейшим городом мира.

В городах новые пролетарии образовали огромную резервную армию труда, готовую вкалывать на капиталистических предприятиях за гроши и в совершенно неудовлетворительных условиях. На первом этапе промышленной революции эта резервная армия была настолько огромной, что заработная плата и благосостояние британского пролетариата оставались почти неизменными до второй половины XIX века. Многие предпочли эмигрировать. По мере распространения капитализма по всей Европе масштабы переселения были просто гигантскими: за период с 1830 по 1914 год Европу покинуло около 50 миллионов человек. С начала XIX века фермерам в Соединенных Штатах приходилось оставлять бедные почвы Новой Англии и становиться промышленными рабочими. Основная рабочая сила состояла из молодых женщин с ферм, перебравшихся в Лоуэлл и другие промышленные города. Городские ремесленники и подмастерья страдали от коммерческой конкуренции, из-за которой им к 1830-м годам пришлось стать наемными работниками. С другой стороны, после промышленной революции буйным цветом расцвела надомная система, подпитываемая армиями иммигрантов в городах.

В Китае процесс формирования рабочего класса разворачивался с невероятной скоростью и был особенно заметным в трех крупных промышленных областях: дельте реки Чжуцзян (Гуандун), дельте реки Янцзы (Шанхайский регион) и долине Хуанхэ (Пекин-Гяньцзинь). В одной только дельте реки Чжуцзян трудится порядка 20–25 миллионов человек, а общее число занятых в промышленности приближается к 200 миллионам. Несколько меньше работников занято в строительстве, розничной и мелкой торговле и низовых услугах, но они есть во всех крупных прибрежных городах. По оценкам, общая численность всех наемных работников достигает 350 миллионов человек. Женский труд был особенно значимым в постреформенном пролетариате: в Гуандуне

3 Changping Li, «The Crisis in the Countryside», in Chaohua Wang, ed., *One China, Many Paths*, London 2003, pp. 198–218; Guidi Chen and Chuntao Wu, *Will the Boat Sink the Water? The Life of China's Peasants*, New York 2006.

от 58 до 70% фабричных работниц — женщины, большинство которых живет в барачных условиях; для страны в целом эта цифра составляет около 45%⁴.

Пролетаризация в Китае имела три основных канала: сельское хозяйство, приходящие в упадок государственные компании в городах и развалившиеся сельские предприятия. Рассмотрим первый канал: с 1980 года в города перебралось почти 120 миллионов деревенских жителей — крупнейшая миграция в мировой истории. В наиболее богатых областях ликвидация коммун и введение системы ответственности домохозяйств привели к росту благосостояния отдельных земледельцев, но остальным крестьянам пришлось иметь дело со снижением цен на сельскохозяйственную продукцию, бедными почвами, небольшими наделами, недостатком средств и коррупцией алчных местных властей. Переселенцы из деревень не имеют права на получение постоянного места жительства в городе и становятся долгосрочным временным населением. Такая ситуация обусловлена существованием системы регистрации, созданной в маоистскую эпоху для ограничения переселения из деревни в город. Хотя, в отличие от других стран, Китаю удалось избежать превращения своих городов в трущобы, приток отчаявшихся крестьян способен затопить города⁵.

Вторым источником для нового класса наемных работников служили государственные предприятия. Они были основной движущей силой маоистской индустриализации, на которую приходилось почти четыре пятых несельскохозяйственного производства. Большинство из них находилось в городах, причем в 1980-х годах на них работало около 70 миллионов человек. С тех пор эта форма занятости последовательно разрушалась, начиная с закона, который сделал возможным временный наем без социальной защиты, и закона 1988 года о банкротстве, лишившим работников гарантий пожизненной занятости. Последствия этих изменений проявились во время спада 1989–1991 годов, когда после Тяньаньмэнь произошла коррекция перегретой и инфляционной экономики. В следующем десятилетии реформы продолжились: закон о труде 1994 года определил статус наемного работника и отделил социальное обеспечение от государства, а за этим последовала директива, поощрявшая повышение эффективности за счет сокращения рабочей силы. Заметной вехой стали массовые увольнения конца 1990-х, когда китайский капитализм пережил свой первый общий кризис перепроизводства, четко обозначивший переход от старой экономики дефицита к новой экономике избыточного производства, то есть изобилия для одних и страшной нужды для других. К началу 2000-х годов занятость на государственных предприятиях сократилась вдвое — с 70 до 33% городской рабочей силы (от 30 до 40 миллионов работников лишились своих рабочих мест)⁶.

4 Ching Kwan Lee, *Gender and the South China Miracle: Two Worlds of Factory Women*, Berkeley 1998, p. 68; «Women Make up 45 Per Cent of China's Work Force», *Women of China website*, 20 April 2007.

5 Dorothy Solinger, *Contesting Citizenship in Urban China: Peasant Migrants, the State and the Logic of the Market*, Berkeley 1999; Ching Kwan Lee, *Livelihood Struggles and Market Reform: (Un) making Chinese Labour After State Socialism*, United Nations 2005.

6 Hart-Landsberg and Burkett, *China and Socialism*, p. 33; «A Survey of China», *Economist*, 25

Последним важным источником наемной рабочей силы стали развалившиеся поселковые и сельские предприятия. Они распространились после отмены коммун на первом этапе либерализации начала 1980-х, особенно в Гуандуне, Фуцзяни и вокруг Тяньцзиня и Шанхая. К началу 1990-х таких фирм было уже 25 миллионов: на них работало более 100 миллионов человек и производилось 40% всей продукции обрабатывающей промышленности. Принадлежащие и подчиняющиеся местным органам власти, они обычно следовали социалистическим обязательствам, давая работу, зарплату и социальную помощь селянам и поддерживая сельское хозяйство и сельскую инфраструктуру. Многие работали как субподрядчики городских государственных предприятий. Поэтому когда в конце 1990-х многие ведущие государственные предприятия обанкротились или нашли более дешевых поставщиков, тысячи поселковых и сельских предприятий оказались в затруднительном положении, нередко имея вдобавок ко всему этому еще и огромные долги по кредитам. И когда эти малые предприятия закрылись, миллионы сельских работников оказались не у дел. Таким образом, интеграция крестьян в пролетариат происходила в два этапа — сначала в качестве работников поселковых и сельских предприятий, а затем в качестве пролетариев, подчиняющихся неумолимым силам рынка (переход от «формального» к «реальному» подчинению труда, по Марксу)⁷.

Марксистское понятие промышленной резервной армии труда в полной мере применимо к современному Китаю. С миллионами работников, уволенных с промышленных предприятий и покинувших сельское хозяйство, в городах складываются огромные излишки рабочей силы. Существующие оценки выглядят сомнительными, принимая во внимание нежелание правительства признавать всю серьезность ситуации, но Международная организация труда говорит о более чем 20% рабочей силы. Хотя новые промышленные рабочие из числа выходцев из деревни в среднем стали жить лучше, чем прежде, положение значительной части рабочего класса ухудшилось в результате давления избыточной рабочей силы, снижения заработной платы из-за высокой конкуренции и потери работы. Показатели производственного травматизма и заболеваний резко выросли, а рабочие на государственных, поселковых и сельских предприятиях лишились жилья, пенсий, медицинского обслуживания и школ, оказавшись один на один с рынком⁸.

March 2006; Shahid Yusuf, Kaoru Nabeshima and Dwight Perkins, *Under New Ownership: Privatizing China's State-Owned Enterprises*, Stanford 2006.

- 7 Jean Oi, «Fiscal Reform and the Economic Foundations of Local State Corporatism in China», *World Politics*, vol. 45, no. 1 (1992), pp. 99–126. О судьбе поселковых и сельских предприятий можно судить только по отрывочным данным; см., напр.: Yusuf et al., *Under New Ownership*, p. 98. Количество людей, оставшихся без работы, вообще невозможно определить хотя бы с какой-то достоверностью. См. также: Daniel Buck, «The subsumption of space and the spatiality of subsumption: city, country, and the transition to capitalism in Shanghai», *Antipode*, forthcoming.
- 8 О положении рабочих см.: Anita Chan, *China's Workers Under Assault: The Exploitation of Labour in a Globalizing Economy*, New York 2001; Hart-Landsberg and Burkett, *China and Socialism*.

Жесткость системы регистрации напоминает британские Спинхемледские законы. Выходцы из деревни вынуждены платить за право передвижения и не могут стать законными членами городского общества; им приходится влачить жалкое существование в городах, не имея удовлетворительного жилья и социального обеспечения. Регистрация — это средство дискриминации и маргинализации текучего населения. Она предназначена для сохранения низкооплачиваемой рабочей силы, сокращения спроса на городскую инфраструктуру, вроде школ, и облегчения накопления капитала. В Пекине с 1997 года хотя бы стала возможной покупка временного жилья, а Чунцин сегодня пытается вообще отменить регистрацию, позволив приобретать постоянное жилье в городе в обмен на отказ от прав на землю в деревне⁹.

ТОВАРИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ

«Освобождение» земли от нерыночных отношений — это непереносимое условие для перехода к капитализму: в Британии оно произошло в результате «огораживания», в Соединенных Штатах — в результате изъятия земель у коренного населения. Согласно распространенному заблуждению, приватизация означает наделение безусловным правом собственности на землю; но, к примеру, в Лондоне и Нью-Йорке капитализм развился на основе системы лизгольдов. Основным следствием существования городского рынка земли, скорее, является распределение землепользований по способности платить за нее и резкий рост цен на земли с наибольшей проходимостью, расположенные в центре города или вокруг субцентров.

Вместе с рынком земли появляется современный капиталистический застройщик. Западные города были построены множеством застройщиков, и развитие недвижимости было главным источником накопления капитала. Явным признаком вывода земли на рынок служит появление спекуляций с землей как нормальной составляющей капиталистического развития. К началу XIX века сложилась четкая закономерность спекулятивных строительных циклов и земельных пузырей, которая постоянно усиливалась с притоком дешевого кредита. Как большинство товаризованных стран, Соединенные Штаты имеют богатую историю спекуляций с собственностью.

Освобождение земли и создание рынка недвижимости также было важной чертой китайского перехода к капитализму. В социалистическую эпоху земля принадлежала государству, которое предоставляло права на ее использование различным ведомствам и предприятиям. Земля не была товаром, не имела никакой стоимости и не могла быть передана кому-то еще. В городском ландшафте преобладали даньвэи или рабочие единицы, вроде государственных предприятий, университетов и воинских частей. Даньвэи

9 Peter Alexander and Anita Chan, «Does China Have an Apartheid Pass System?» *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 30, no. 4 (2004), pp. 609–621; Fei-Ling Wang, «Reformed Migration Control and New Targeted People: China's *Hukou* System in the 2000s», *China Quarterly*, 177 (2004), pp. 115–132; «Chongqing to Urbanize Rural Migrants», *China Daily* online, 16 June 2007.

использовали свою землю для строительства производственных помещений, жилья для работников и социальной инфраструктуры, обычно организованных в виде своеобразных поселков.

Государственные земли по-прежнему нельзя продавать, но они могут переходить от одного государственного ведомства к другому, образуя своеобразный «первичный рынок земли». Кроме того, в соответствии с законом о землеустройстве 1986 года, пересмотренным в 1988 году, государственные земли могут сдаваться в аренду на длительный срок — на 40–70 лет. В 1991 году закон снова был пересмотрен, и по нему стала возможны продажа, субаренда и передача арендованных земель, что образовало «вторичный рынок земли». **Хотя на первичном рынке земель продается больше, чем на вторичном, именно последний определяет земельную ренту.** Появилось множество государственных и частных брокеров, оказывающих помощь в сделках с землей, и, конечно, там, где между двумя земельными системами существует разрыв, разница покрывается черным рынком¹⁰.

Даньвэй по-прежнему имеют лучшую недвижимость в городах и — в трех ипостасях — являются основными игроками на рынке земли. Во-первых, они выступают в роли домовладельцев, сдавая жилье в аренду своим работникам или на открытом рынке. Во-вторых, они создают агентства для строительства на своих землях, которые затем сдают в аренду. В-третьих, они сдают земли в аренду частным застройщикам и управляющим компаниям. Ведущие даньвэй готовы повышать арендные ставки, чтобы получить наибольшие доходы со своих участков, а их дочерние предприятия-застройщики все больше ориентируются на получение прибыли¹¹.

Городские власти были горячими сторонниками товаризации земли. Комитеты по управлению муниципальным имуществом могут передавать землю другим ведомствам для застройки или сдавать в аренду частным предпринимателям для коммерческого использования. В Пекине в 1995 году муниципалитету принадлежало 60% всех сдаваемых в аренду земельных участков. Города расширили свои владения путем отчуждения зданий в центре и на окраинах городов. Влияние муниципалитетов выросло за счет даньвэев благодаря поправке 1998 года к закону о землепользовании, которая предусматривала, что все операции по сдаче в аренду государственных земель коммерческим застройщикам должны проводиться через муниципалитеты, хотя проведение в жизнь этой поправки стало предметом горячих споров. Еще одним сред-

10 Peter Ho, «Who Owns China's Land? Policies, Property Rights and Deliberate Institutional Ambiguity», *China Quarterly*, 166 (2001), pp. 394–421; Samuel Ho and George Lin, «Emerging Land Markets in Rural and Urban China», *China Quarterly*, 175 (2003), pp. 681–707; George Lin and Samuel Ho, «The State, Land System, and Land Development Processes in Contemporary China», *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 95, no. 2 (2005), pp. 411–436.

11 Fulong Wu, «The New Structure of Building Provision and the Transformation of the Urban Landscape in Metropolitan Guangzhou, China», *Urban Studies*, vol. 35, no. 2 (1998), pp. 259–283; Fulong Wu, «The «Game» of Landed Property Production and Capital Circulation in China's Transitional Economy, with reference to Shanghai», *Environment and Planning A*, vol. 31, no. 10 (1999), pp. 1757–1771.

ством, способствующим товаризации, была перепродажа земли, начавшаяся в Шанхае в 1996 году и распространившаяся по всей стране в 2001 году, когда городские власти приобретали права у других собственников, договаривались с ними о разделе ренты и перепродавали арендованные земли¹².

Муниципалитеты привлекает арендная плата и доход от поземельного налога. Закон о налогообложении землепользования 1989 года вводил систему, основанную на качестве земли. Такие налоги служат действенным средством стимулирования рыночного поведения и максимизации ренты. Закон о градостроительстве 1989 года требовал от городов составления подробных планов, которые можно было бы использовать для того, чтобы побудить арендаторов к интенсивному освоению земель. Центры городов освобождались от старых зданий и по программам вроде пекинского закона о реконструкции старого и ветхого жилья производилась передача земель застройщикам. В Пекине было освобождено 4,2 миллиона квадратных метров площадей; в Шанхае — 22,5 миллиона. Все это было сопряжено с переселением более чем миллиона человек в первом случае и полутора миллионов во втором¹³. Точно так же способствовало росту пригородов предоставление муниципалитетами земельных и денежных ссуд тем, кто занимался строительством инфраструктуры и жилья.

Свой вклад в развитие рынка городских земель внесла и приватизация жилья. В 1995 году городским жителям были предоставлены права собственности на их жилье, а с 1999 года стала возможной приватизация жилья в дань-взях. В результате, объемы жилья, находящегося в собственности у жильцов, резко выросли с 20% городских домохозяйств в начале реформы до почти 75% сегодня. Жилье, которое строится крупными частными застройщиками, в основном покупают семьи с высокими доходами, новым же мигрантам приходится заботиться о себе самостоятельно, снимая жилье у владельцев старых домов или беря его в субаренду у других арендаторов. Владельцы приусадебных участков и государственные служащие часто становились мелкими домовладельцами, сдававшими свою недвижимость в аренду мигрантам, а районы с таким неформальным жильем выросли почти во всех китайских городах¹⁴.

Несмотря на сохраняющиеся противоречия в двойной земельной системе, работающий рынок земли привел к росту арендной платы в городах.

12 You-tien Hsing, «Brokering Power and Property in China's Townships», *Pacific Review*, vol. 19, no. 1 (2006), pp. 103–124; You-tien Hsing, «Land and Territorial Politics in Urban China», *China Quarterly*, 187 (2006), pp. 575–591.

13 Yan Zhang and Ke Fang, «Is History Repeating Itself? From Urban Renewal in the United States to Inner-City Redevelopment in China», *Journal of Planning Education and Research*, 23 (2004), pp. 286–98; Shenjing He and Fulong Wu, «Property-Led Redevelopment in Post-Reform China: A Case Study of Xintiandi Redevelopment Project in Shanghai», *Journal of Urban Affairs*, vol. 27, no. 1 (2005), pp. 1–23.

14 Min Zhou and John Logan, «Market Transition and Commodification of Housing in Urban China», in John Logan, ed., *The New Chinese City*, Oxford 2002, pp. 137–152; Youqin Huang, «The Road to Homeownership: a Longitudinal Analysis of Tenure Transition in Urban China (1949–1994)», *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 28, no. 4 (2004), p. 774.

Высокоприбыльные предприятия стремятся получить престижные места поближе к центру города, а предприятия, менее заинтересованные в таком месторасположении, вроде складов и крупного производства, дрейфуют на периферию¹⁵. Даньвэй часто переводили своих работников и производство в новые районы на окраинах, получая возможность с выгодой для себя застроить или сдать в аренду земельные участки в центре.

В сегодняшнем Китае существует три вида застройщиков: государственные предприятия, частные компании и иностранные компании. Наиболее крупными игроками в 1990-х были государственные предприятия, использовавшиеся в качестве подрядчиков муниципальными властями и даньвэйми. Но в последнее время все большее распространение получают частные компании, заключающие договоры субподряда с государственными агентами на проведение строительства. На юге, судя по всему, жилье строится только частными компаниями. С другой стороны, инфраструктурные проекты в большинстве городов по-прежнему выполняются в основном государственными предприятиями. Иностранные застройщики во главе с некоторыми гигантами гонконгского капитала участвуют преимущественно в крупных коммерческих проектах, вроде квартала «Новый свет» (основной инвестор — Shui On Group Филипа Хуана) и еще более крупной пекинской «Ориентал плаза» (основной инвестор — компания Cheung Kong Ли Кашина). В этих дизайнерских кварталах для очень состоятельных потребителей в центрах крупных городов находятся магазины, гостиницы и музеи, а в случае с «Новым светом» — даже исторические элементы, придающие ему особый шарм¹⁶.

Приток капитала в строительство недвижимости поражает. В Шанхае инвестиции в недвижимость выросли примерно со 100 миллионов долларов в год в 1990 году до впечатляющих 7,5 миллиардов в 1996 году, несколько упав в конце десятилетия, но только для того, чтобы достигнуть 7,6 миллиардов долларов в 2001 году и более 11 миллиардов в 2002 году. Площади коммерческой недвижимости превысили 12 миллионов квадратных метров в прошлом году, а жилья — 60 миллионов. В Пекине ежегодное строительство жилья выросло с 1 миллиона квадратных метров в 1975 году до 18 миллионов квадратных метров в 2001 году. К 2006 году в Пекине было построено более 10 миллиардов квадратных метров офисных площадей и более 90 миллионов квадратных метров жилья — это три Манхеттена! По оценкам, стоимость строительства в Китае в 2000-х составляла 67 миллиардов долларов в год — половина всего нового строительства в мире¹⁷.

15 Fulong Wu and Anthony Gar-On Yeh, «Urban Spatial Structure in a Transitional Economy: The Case of Guangzhou, China», *Journal of the American Planning Association*, vol. 65, no. 4 (1999), pp. 377–394.

16 Ya Ping Wang and Alan Murie, «Commercial Housing Development in Urban China», *Urban Studies*, vol. 36, no. 9 (1999), pp. 1475–94; Bo-Sin Tang and Sing Cheong Liu, «Property Developers and Speculative Development», in Chengri Ding and Yan Song, eds, *Emerging Land and Housing Markets in China*, Cambridge, MA 2005, pp. 199–231; Hsing, «Brokering Power»; He and Wu, «Property-Led Redevelopment».

17 О Шанхае см.: He and Wu, «Property-Led Redevelopment», p. 7; *People's Daily* online, 28 October 2002. О Пекине: *People's Daily* online, 7 February 2001; *Colliers International*—

Ключевым признаком перехода к полностью работающей капиталистической системе служит появление спекулятивного бума и пузырей. Небольшой пузырь возник с общим перегревом экономики в 1986–1988 годах, а более крупный — во время бума в начале 1990-х, достигнув своей наивысшей точки в 1992–1994 годах и оставив после себя миллионы квадратных метров незанятой недвижимости. Впоследствии центральные власти пытались обуздать рвение местных властей, забирая у них все больше доходов и ужесточая правила сдачи в аренду. Тем не менее, в 2000-х годов возник новый и существенно более крупный пузырь, так что даже центральное правительство предупредило в 2005 году о финансовых рисках и начало борьбу со спекулятивными инвестициями и коррупцией. Недавно в нескольких городах была введена система оценки агентов по недвижимости после раскрытия широкой нелегальной деятельности и сделок на черном рынке недвижимости, нередко с участием государственных предприятий. Оказалось, что шанхайские власти направили треть фонда социального страхования (400 миллионов из 1,2 миллиарда долларов) на строительство недвижимости и платной дороги¹⁸.

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА

Важным элементом перехода к капитализму на Западе было развитие внутреннего рынка — спроса на товары, произведенные перспективной капиталистической промышленностью и сельским хозяйством. Для этого образ жизни в стране должен был измениться так, чтобы появились потребности, которые можно было бы удовлетворить покупкой товаров. Произошел переход от потребления товаров собственного производства к товарам промышленного производства, в котором немаловажную роль сыграло переселение в города. Это сказалось на всех классах общества, но самым важным участком потребления было жилище буржуа, как крупнейшее приобретение и склад потребительских товаров длительного пользования, вроде мебели и бытовой техники. Рост доходов и падение цен на товары все сильнее стимулировали покупки.

Важную роль сыграл также экспорт на внешние рынки. Британская индустриализация стимулировалась экспортом в Европу, колонии и Соединенные Штаты. Но в такой крупной стране, как Соединенные Штаты, — этом самом значительном едином рынке мира на протяжении почти двух столетий, — большая часть торговли имела меж- или внутрирегиональный характер, а американский экспорт до конца XX века не превышал 5% ВВП. Франция — еще один пример страны, в которой экспорт слабо влиял на развитие

al report on Beijing office market, 2nd quarter 2006; William Mellor and Allen Cheng, «Chinese Chasing the Wealth», *San Francisco Chronicle*, 24 May 2006. Все китайские цифры приводятся по: Haiyan Chen, S. Ganesan and Beisi Jia, «Environmental Challenges of Post-Reform Housing Development in Beijing», *Habitat International*, vol. 29, no. 4 (2005), p. 572; John Fernández, «Resource Consumption of New Urban Construction in China», *Journal of Industrial Ecology*, vol. 11, no. 2 (2007), pp. 99–115.

18 Li Tu, «Central Bank Warns Shanghai Real Estate Jeopardizes Banks», *Epoch Times* online, 15 February 2005; «Looting the Aged», *Economist*, 9 September 2006.

промышленности. Во всяком случае для успешного экспорта промышленных товаров необходим конкурентный уровень затрат и качества, чего трудно достичь, не имея большого опыта, и обычно экспорт начинал развиваться после того, как отечественная промышленность прочно вставала на ноги.

Внутренний рынок Китая имеет огромный потенциал. В постмаоистскую эпоху внутреннее потребление начало стремительно расти, сначала со скачком доходов в деревне, обусловленным деколлективизацией и распространением поселковых и сельских предприятий, а затем с ростом спроса у городских жителей—служащих и рабочих, освобожденных от распределения по карточкам. Теперь вместо прямых услуг от их даньвэев им платили деньги, а на преуспевающих предприятиях росла заработная плата. В 1980-х—начале 1990-х годов ведущими сегментами нового потребительского рынка стала торговля телевизорами, велосипедами, мотоциклами, одеждой, холодильниками и кондиционерами. Этот новый спрос удовлетворялся в основном фирмами, которые принадлежали государству или трудовым коллективам, отвечавшим на сигналы рынка. Но многие из компаний этой эпохи впоследствии исчезли под давлением конкуренции и перепроизводства, что свидетельствовало о складывании капиталистической экономики. С середины 1990-х годов с ростом располагаемых доходов на внутреннем рынке распространились новые товары, вроде мобильных телефонов и автомобилей. Они предлагались уже частными компаниями, вроде Ningbo Bird и Nanjing Panda Electronics. Иностранные фирмы тоже предлагают немало высокотехнологичных товаров, но им редко удается завоевать прочные позиции на внутреннем рынке.

И рост спроса не прекращается. Товары отечественного производства пользуются спросом у китайцев из высших и средних слоев—по некоторым оценкам, это около миллиона весьма состоятельных городских домохозяйств и не менее 40 миллионов зажиточных. Китайские горожане, как и жители Парижа и Нью-Йорка в прошлом, стоят на переднем крае потребительской культуры: реальный доход на душу населения растет на 5% в год, заметно опережая доходы сельских и провинциальных жителей. Китай—это второй по величине автомобильный рынок в мире, седьмой—в розничной торговле и третий—в предметах роскоши¹⁹.

Городской Китай стремительно вливается в мировую потребительскую культуру. В крупных городах появляются не только глобальные розничные сети, вроде Ikea, Carrefour, B&Q и Sogo, но и отечественные сети, вроде Gome, Wumart и Lianhua. Возникают новые торговые центры, вроде пекинской «Ориентал плаза». Шанхайский «Новый свет» оказался настолько успешным, что застройщик Филип Хуан уже получил заказы на строительство подобных районов еще в двадцати трех городах. Поскольку правительство прекрасно сознает всю важность городов для развития потребления, государственный совет одобрил стратегию урбанизации, призванную поглотить избытки производства²⁰.

19 «Ready for Warfare in the Aisles», *Economist*, 5 August 2006, pp. 59–61; Mellor and Cheng, «Chinese Chasing the Wealth».

20 Ruel Sui Sun, «Creative Deconstruction, or Deconstructive Creation? The Case of Xin-

Переход Китая к частному жилью, вероятно, закрепит переход к массовому потребительскому обществу. На жилье — в основном квартиры, отдельные кондоминиумы и загородные дома для наиболее состоятельных — тратится значительная часть доходов недавно возникших высших и средних слоев. И это жилье должно быть заполнено потребительскими товарами: частное жилье еще сильнее подстегивает потребление, разрушая остатки коллективистского сознания маоистской эпохи²¹.

Экспортные рынки стали жизненно важными для развития Китая после создания на юге в 1980-х годах зон внешней торговли. Кроме того, иностранные фирмы способствовали распространению современного производства и открытию глобальных рынков. Корейские, японские, германские и особенно тайваньские и гонконгские компании строили цеха, внедряли новые технологии и учили китайских рабочих и управленцев новейшим достижениям в разработке товаров, управлении предприятиями и глобальном распределении. Соединение глобальных стандартов производства с миллионами трудолюбивых, дисциплинированных и низкооплачиваемых китайских рабочих приводит к впечатляющим результатам на мировом рынке.

Китай стал важной силой в международной торговле, догнав Японию по общему экспорту и подкосив отечественное производство в Северной Америке, Европе и Восточной Азии. Доля экспорта в ВВП устойчиво росла (с 5 до 25%) на протяжении первых двух переходных десятилетий — тот же показатель, что и в Германии. После 2000 года, со вступлением Китая в ВТО, этот показатель подскочил до 35%, что уже сопоставимо с Кореей. Этот рост во многом обязан компаниям, принадлежащим иностранцам, и совместным предприятиям. Китайские фирмы опираются в основном на внутренний рынок, на котором потребление домохозяйств составляет более 50% ВВП. Поэтому рассматривать экспорт как единственную движущую силу роста в современном Китае — значит повторять классическую ошибку либералов, которые считают торговлю, а не производство основой экономического роста²².

При этом экспортные успехи Китая определялись не только низкими затратами на оплату рабочей силы. Даже для поставки дешевых товаров Wal-Mart и другим подобным глобальным корпорациям необходим уровень компетентности, который гарантирует качество и надежность. Прекрасным примером служит BYD Company, производитель более половины всех батарей для мобильных телефонов на мировом рынке. Следующим шагом является выход на глобальные рынки в качестве полноценного конкурен-

tiandi at Shanghai», paper presented at 4th East Asian Regional Conference in Alternative Geography, Taipei, June 2006, pp. 24–30; Jianfa Shen, «Space, Scale and the State: Reorganizing Urban Space in China», in Laurence Ma and Fulong Wu, eds, *Restructuring the Chinese City*, London 2005, p. 47.

21 Fulong Wu, «Rediscovering the «Gate» Under Market Transition: From Work-Unit Compounds to Community Housing Enclaves», *Housing Studies*, vol. 20, no. 2 (2005), pp. 235–54.

22 Yun-Wing Sung, *The Emergence of Greater China: The Economic Integration of Mainland China, Taiwan and Hong Kong*, New York 2005, p. 36; «Can Pigs Fly?», *Economist*, 24 February 2007.

та в «белых товарах» или бытовой электронике, совершаемый сегодня несколькими китайскими компаниями. Примером этого служит эволюция Legend/Lenovo из поставщика материнских плат в 1980-х в национального лидера по производству компьютеров в 1990-х и глобального производителя, который оказался способен купить компьютерное подразделение IBM в середине 2000-х; еще один пример — Haier, который контролирует четверть американского рынка небольших холодильников.

Сталкиваясь с нестабильными валютными курсами, растущей американской задолженностью и потенциальной конкуренцией со стороны еще более дешевых стран, вроде Вьетнама и Бангладеш, планирующие органы Китая стремятся ослабить зависимость от экспорта, расширяя внутренний рынок. Этому мешает неразвитая инфраструктура и отсталое распределение и логистика²³.

В 2000-х годах государственные инвестиции были переориентированы на бедные внутренние области центрального и западного Китая, а новое правительство Ху Цзинтао и Вэнь Цзябао заявило о своем намерении побороть бедность на селе. Считается, что эти меры направлены на борьбу с растущим социальным недовольством, вызванным вопиющим неравенством. Государственные расходы действительно способны создать рабочие места и вызвать рост доходов в краткосрочной перспективе, но меры, вроде электрификации села и строительства дорог, в конечном счете, призваны включить бедные области, все еще стоящие на обочине, в цепочки обращения капитала, тем самым увеличив размеры внутреннего рынка и эффективного спроса на продукты внутреннего производства Китая.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИСТОВ

Класс капиталистов на Западе появился из разных социальных слоев и получил свой первоначальный капитал из различных источников. В Британии первые капиталисты были связаны с сельским хозяйством: это были землевладельцы, которые расширили свои владения за счет огораживания. Городские торговцы богатели за счет заморской торговли, работоторговли и внутренней торговли, нередко занимаясь также операциями с землей и банковским делом. Государственные займы и Банк Англии способствовали росту финансового капитала. Первые промышленники получали незначительную поддержку от городских кредиторов, но они заново инвестировали прибавочную стоимость, полученную благодаря плохо оплачиваемым и работающим без продыха пролетариям.

В Соединенных Штатах земли континента были захвачены и закреплены за фермерами и плантаторами. Торговцы и производители — зачастую совместно — делали состояния на продаже своих товаров преуспевающим фермам и растущим городам рабовладельческого Юга. Американские рабо-

²³ «The Problem with Made in China», *Economist*, 13 January 2007; «Slow! Government Obstacles Ahead», *Economist*, 17 June 2006; см. также: «Survey of China».

чие находились в лучшем положении, чем европейские, но из-за притока иммигрантов заработная плата неквалифицированных работников оставалась низкой. Городская собственность была главным источником накопления. Уполномоченные банки выдавали множество кредитов для поддержки развития регионов. Ранние капиталисты континентальной Европы часто появлялись благодаря помощи государства, как в это было бисмарковской Германии, но в регионах, вроде рейнских земель, местные банки, торговцы и производители поддерживали друг друга. Во Франции индустриализация также происходила благодаря сетям мелких производителей, пользовавшихся поддержкой торговцев, а также финансируемым государством фабрикам, производящим текстиль или сталь.

Основным источником появления капиталистического класса в современном Китае служат иностранные инвестиции; в конце концов, Китай — крупнейший в мире получатель прямых иностранных инвестиций. Внешний капитал помог установить связи с глобальной торговлей, освоить новейшие технологии и современный дизайн. Важную роль в развитии — особенно Гуандуна, который с 1989 года является провинцией с самым высоким ВВП — сыграли торговцы, финансисты и производители из Гонконга. В период с 1979 по 2003 год немногим менее половины всех прямых иностранных инвестиций поступило именно из Гонконга, но с 1996 года его больше нельзя считать действительно иностранным государством, хотя он продолжает служить посредником для движения капитала из других мест²⁴. Нельзя недооценивать также роль тайваньских капиталистов, особенно в провинции Фуцзянь и на центральном побережье.

И, тем не менее, иностранные инвестиции в эпоху реформ составляли менее 10% прироста основного капитала, включая инвестиции через Гонконг. Скорее, решающее значение здесь имели внутренние процессы первоначального накопления. Китайская экономика держится на широком производстве прибавочной стоимости. Ужасающе низкая заработная плата, продолжительный рабочий день и тяжелый труд означают необычайно высокий уровень эксплуатации рабочей силы. Это позволяет Китаю иметь одну из самых высоких норм накопления в мире (свыше 40% ВВП), создавать огромные валютные резервы (свыше 1 триллиона долларов в 2006 году) и стремительно увеличивать свой основной капитал (на 20% в год в период с 1978 по 1994 год). Ежегодный прирост основного капитала на 3–4% превышает соответствующие показатели во Франции и Германии во время их бурного роста, и близок к показателям Японии и Кореи²⁵.

Вместе с высокими темпами прироста основного капитала происходило формирование нового класса сверхбогатых. По недавним сведениям,

24 Sung, *Emergence of Greater China*, pp. 12, 27; более того, немалая доля инвестиций из Гонконга приходится на «round tripping», когда китайские государственные предприятия, предприятия, принадлежащие Народно-освободительной армии, и другие организации совершают инвестиции при помощи дочерних компаний в Гонконге.

25 Sung, *Emergence of Greater China*, p. 38.

в Китае сейчас семь миллиардеров и 300 000 миллионеров, 400 из которых имеют состояние свыше 60 миллионов долларов²⁶. Кто они — эти новые китайские капиталисты? Многие из них — бывшие партийные и государственные чиновники, которые благодаря своим должностям смогли с выгодой для себя приватизировать государственные предприятия. Другие не были связаны с государством и партией, когда основали частные предприятия, начав с мелкой торговли или профессиональной деятельности, подобно Лиу Чуанджи из Legend/Lenovo, **или были выходцами из крестьянства**, подобно богатейшему человеку страны Хуану Гуанюю, основателю розничной сети Gome Electrical Appliance Holdings, — хотя наличие связей с членами партии по-прежнему играет немаловажную роль. Некоторые чиновники ведут себя как предприниматели, извлекая выгоду из своего положения в качестве руководителей государственных ведомств и предприятий, хотя они и не являются их собственниками в полном смысле этого слова²⁷.

Каково социальное происхождение этого нового капиталистического класса? **Классический торговый капитал играл в его формировании второстепенную роль**, так как историческая эпоха коммерческой торговли была прервана маоистской революцией, но некоторые крупнейшие состояния в Гонконге, например, состояние миллиардера Ли Кашина из Li and Fung Trading Company, созданы благодаря торговле.

В производстве промышленным капиталистом можно стать четырьмя способами. Первый — приобрести долю в государственном предприятии. В начале 1990-х в результате реформ многие из государственных предприятий стали акционерными компаниями или кооперативами, превратившись в получастные, хотя и не полностью приватизированные, компании. Дальнейшие меры по приватизации были осуществлены в начале 2000-х после того, как из-за спада конца 1990-х их число сократилось с примерно 250 000 до 150 000, причем на них приходилось теперь менее трети национального дохода. Второй способ — получение контроля над успешным поселковым или сельским предприятием. Эти предприятия также подверглись массовой приватизации в конце 1990-х после схожих потрясений. Хотя многие продолжают едва сводить концы с концами, тысячи смогли превратиться в крупные компании. Кроме того, во многих номинально кооперативных или коллективных предприятиях произошла концентрация акций в руках руководства или партийных чиновников — процесс, которому способствует незаконное отделение активов²⁸.

²⁶ Mellor and Cheng, «Chinese Chasing the Wealth».

²⁷ Wang Hui, *China's New Order: Society, Politics and Economy in Transition*, Cambridge, ma 2003; Hart-Landsberg and Burkett, *China and Socialism*. Из-за распространенности коррупции первоначальное накопление в Китае сопровождается неприкрытым воровством; некоторые богачи, вроде Ян Биня и Чжоу Цзэньи, оказались в тюрьме за мошенничество. Как выразился один инвестиционный банкир, «это похоже на эпоху „баронов-разбойников“ в Соединенных Штатах XIX века; берут все, что не приколочено»; цит. по: Mellor and Cheng, «Chinese Chasing the Wealth».

²⁸ Несмотря на отсутствие достоверных данных о степени приватизации, см.: Samuel Ho, Paul Bowles and Xiaoyuan Dong, ««Letting Go of the Small»: An Analysis of the

Третий путь, который постепенно приобретает все большее значение, — это создание частной компании независимо от иностранных инвесторов или совместно с ними. После того, как в 1987 году были сняты ограничения на размер частного предприятия, произошел лавинообразный рост частного сектора, и к середине 1990-х около 40% работников, занятых не в сельском хозяйстве, трудились именно в нем. В начале следующего десятилетия в частных компаниях в городах было занято уже более 40 миллионов человек — столько же, сколько и на государственных предприятиях, — а в совместных предприятиях — еще 20 миллионов. В компаниях, полностью принадлежащих иностранцам, трудилось всего 7 миллионов рабочих²⁹. По четвертому пути пошли многие мелкие производители, работавшие полулегально, вроде тысяч фирм в пекинском районе Чжейянкун. Власти города регулярно сносят их постройки, которые где-то поблизости незамедлительно появляются снова, — такой непостоянный статус создает своеобразное пограничное пространство для появления свободного капитализма, недостижимого для государства³⁰.

Немало капиталистов появилось также в розничной торговле и сфере деловых услуг, но особенно благотворной почвой для быстрого накопления богатства служил сектор недвижимости. Стоимость земли в городах за последние годы резко подскочила. Здания, изначально построенные дань-взяями, используются для получения ренты, которая может быть превращена в первоначальный капитал для последующих рентабельных инвестиций — спираль накопления, которая раскручивается на полноценных капиталистических предприятиях. Чтобы оценить масштабы первоначального накопления благодаря ренте, достаточно сказать, что половина богатейших людей Китая обязана своим богатством недвижимостью³¹.

Важную роль также играют финансовые средства ускорения прироста основного капитала. По мере отхода государства от прямого финансирования и управления производством, его место заняли государственные банки и местные органы власти. Банковская система по-прежнему на четверть принадлежит государству, но осторожно приватизируется. Надо заметить, что государственные банки не скупаются на кредиты всевозможным государственным ведомствам, государственным предприятиям и частным компаниям. К 1990-м банковские кредиты превысили расходы правительства в пять раз. Сегодня коммерческое кредитование достигает 130% от депозитов — показатель намного более высокий, чем в других азиатских странах³².

Privatization of Rural Enterprises in Jiangsu and Shandong», *Journal of Development Studies*, vol. 39, no. 4 (2003), pp. 1–26; Yusuf et al., *Under New Ownership*, p. 98; Russell Smyth, «Asset-Stripping the Chinese State-Owned Enterprises», *Journal of Contemporary Asia*, vol. 30, no. 1 (2000), pp. 3–16.

29 Hart-Landsberg and Burkett, *China and Socialism*, p. 45.

30 Li Zhang, *Strangers in the City*, Stanford 2001. Автор этой работы сваливает все в одну кучу, не отделяя среди городских мигрантов новую и мелкую буржуазию от рабочих.

31 *Economist*, «Survey of China».

32 «India: Safe and Sorry», *Economist*, 3 June 2006.

Примерно половина банковских кредитов выдается государственным предприятиям. Они должны были стать самокупаемыми, но, поскольку растущая конкуренция и высокие налоги ведут к сокращению прибыли, руководству предприятий пришлось обратиться к кредитам для покрытия расходов, включая социальные обязательства перед работниками. К концу 1980-х началось накопление долгов, а в начале 1990-х произошло серьезное финансовое сжатие. Но к концу десятилетия заимствования резко выросли; многие государственные предприятия оказались на грани банкротства, и потому им пришлось обратиться к банкам за новыми кредитами для того, чтобы расплатиться по старым. В конце 1990-х многие все же обанкротились, но выжившие получили поддержку государственных банков, а затем были приватизированы; поэтому фиктивный капитал, созданный государством, в конечном итоге, породил реальный капитал, работающий на частном рынке.

В то же время местные органы власти — провинций, муниципалитетов и поселков — финансировали всю инфраструктуру, строительство и индустриальные проекты в стремительно растущих городах. И они также брали огромные займы для финансирования своих планов. Уловкой, которая использовалась ими и государственными предприятиями, было предоставление земли под залог банковских ссуд, практика, которая вызвала бум в собственности в 1990-х. Общие долги одних только поселковых и сельских органов власти составляют около одного триллиона юаней (125 миллиардов долларов), около 5% ВВП³³. И это еще цветочки в сравнении с недавним пузырем на фондовой бирже, который привел к троекратному росту индекса Шанхайской биржи с 2005 года. Недавно Коммерческий банк и Трастовая компания произвели крупнейшее в мире размещение собственных ценных бумаг.

Таким образом, благодаря кредиту в Китае можно наблюдать впечатляющий рост накопления капитала. Такая слабость делает финансовые кризисы неизбежной составляющей родовых схваток капитализма. В конце 1990-х банковская система имела один из самых высоких показателей невыплат по кредитам в мире, достигнув максимума в 50% (даже по самым скромным оценкам этот показатель составлял около 30%). Серьезные опасения также вызывает перегретый фондовый рынок.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

На Западе ранний капитализм способствовал росту городов и созданию широких городских сетей в намного большей степени, чем все остальные эпохи. Первым фактором роста городов при капитализме было распространение торговли и сосредоточение в них торговли и транспорта. Вторым была промышленная революция. Фабричные города, вроде Манчестера и Лоуэлла, росли на всем протяжении XIX века в Британии и Соеди-

33 Lin and Ho, «The State and Land Development», p. 703; *Economist*, «Survey of China»; «The People's Republic in the Grip of Popular Capitalism», *Economist*, 28 April 2007.

ненных Штатах. Даже в больших торговых городах создавались крупные производственные районы, часто состоявшие из различных предприятий, занимавшихся производством предметов роскоши и специализированных товаров — например, оружейный район Бирмингема или портновский район Нью-Йорка. Третьей причиной для этой урбанизации был резкий рост расходов, потребления и сияние ярких огней большого города. Бульвары, главные улицы и магазины крупнейших городов глубоко запечатлелись в национальном самосознании как площадки современной жизни.

С ростом городов на Западе произошло внутреннее распределение функций между специализированными районами — как следствие растущего общественного разделения труда на товаризованном рынке городской земли, где схожие и взаимодополняющие предприятия размещались поблизости друг от друга. В Соединенных Штатах наблюдалась особенно сильная концентрация деловой активности в городских центрах и дальнейшее разделение на финансовые районы, районы магазинов и развлечений, промышленные и складские районы и так далее. По мере роста городов происходило формирование новых субцентров — так возникали полицентричные города XX века.

Также создавались отдельные жилые районы, которые играли важную роль в качестве маркеров класса и географических движущих сил формирования классов. Пространственное разделение не обязательно должно доходить до сегрегации, как в Соединенных Штатах; в европейских городах наблюдалось действенное классовое разделение в более компактной городской форме.

Одной из главных целей маоизма было преодоление общественного разделения труда, особенно между городом и деревней. Результаты этого были неоднозначными, но после революции 1949 года фабрики были больше рассеяны в сельской местности, чем прежде, а рост городов замедлился. Экономический и социальный ландшафт маоистского города был разделен на одинаковые клетки, состоящие из даньвэев³⁴. Но в 1980-х годах начался быстрый рост китайских городов, произошел расцвет городской промышленности, а внутренний ландшафт резко преобразился.

Численность городского населения и количество самих городов выросли втрое за одно поколение, и страна теперь урбанизирована почти на 40%: более ста городов имеют более полумиллиона человек населения. Наиболее впечатляющий рост городов на начальном этапе реформы, связанный с экспортом индустриализации, имел место в южном Китае, переломив господство Севера при маоизме. Шензен, Гуанчжоу и Дунгуан, каждый с населением в 7–9 миллионов человек, стали новыми мастерскими мира. Но к концу 1990-х на первый план вышли крупные города северного и центрального побережья. Пекин и Шанхай, каждый с населением свыше 15 миллионов

34 John Lewis, ed., *The City in Communist China*, Stanford 1971; Piper Gaubatz, «Urban Transformation in Post-Mao China: Impacts of the Reform Era on China's Urban Form», in Deborah Davis, Richard Kraus, Barry Naughton and Elizabeth Perry, eds, *Urban Spaces in Contemporary China*, New York 1995, pp. 28–60.

человек, преодолели свои старые границы и теперь входят в число крупнейших городов мира³⁵.

Но не все фабрики расположены в крупных городах. Многие из них находятся в средних по размерам городах, к примеру, в дельте Янцзы или в бывших деревнях, как в дельте Чжуцзяна, но они тесно связаны с крупными городскими центрами — Шанхаем и Гонконгом соответственно. Некоторые городские отрасли включили множество компаний в окружающих областях в свои сети поставок, сочетая элементы классической надомной системы с контрактной системой сегодняшней мировой экономики, действующей на больших расстояниях. В других случаях возникали целые новые промышленные районы, вроде кластеров металлообработки, текстиля или мебели в Гуандуне или пекинского района Чаоян, занимающегося производством электроники.

Кроме того, торговля поднимает центры китайских городов на новые высоты. Эти классические элементы капиталистического разделения труда развивались медленнее, чем производство, отчасти из-за того, что Гонконг был, если можно так выразиться, «краеугольным городом» южного Китая; Тайбэй и Сингапур также играют роль оффшорных коммерческих и финансовых центров для материкового Китая. Тем не менее, города, вроде Шанхая и Гуанчжоу, занимаются разнообразной коммерческой, финансовой и управляющей деятельностью, а также оказанием деловых услуг³⁶. Не менее поразительно, насколько быстро китайские города развили внутреннее пространственное разделение труда. Появляются центральные деловые районы, вроде нового высотного центра Пекина, и начинают складываться торговые и финансовые районы. Происходит расползание городов. Производство, некогда размещенное на землях даньвэев в лучших районах города, переводилось в более дешевые промышленные районы в пригородах. Новые коммерческие, промышленные и офисные кластеры на окраинах крупных городов сделали китайские города полицентричными³⁷.

Новое жилье переместилось вверх, в высотные здания, и вовне, в пригороды, отражая складывающееся классовое деление. Жилье распределяется по способности платить за него: бывшие государственные служащие живут в одном районе, закрытые анклавов богачей находятся в другом, а временные рабочие обитают в похожих на трущобы «городских деревнях». **Состоятель-**

35 George Lin, «The Growth and Structural Change of Chinese Cities», *Cities*, vol. 19, no. 5 (2002), pp. 299–316.

36 George Lin, «Towards a Post-Socialist City? Economic Tertiariation and Urban Reformation in the Guangzhou Metropolis, China», *Eurasian Geography and Economics*, vol. 45, no. 1 (2004), pp. 18–44.

37 Piper Gaubatz, «Globalization and the Development of New Central Business Districts in Beijing, Shanghai and Guangzhou», in Ma and Wu, *Restructuring the Chinese City*, pp. 98–116; Fulong Wu, «Polycentric Urban Development and Land-Use Change in a Transitional Economy: the Case of Guangzhou», *Environment and Planning A*, vol. 30, no. 6 (1998), pp. 1077–1100; Lin, «Towards a Post-Socialist City?»; Wu and Yeh, «Transition of Urban Spatial Structure». Хотя городские власти разрабатывали масштабные планы, китайские города развивались неконтролируемо и хаотично, подобно американским городам.

ные семьи переселяются в пригородные поселки по образцу долины Напа, округа Ориндж и Лонг-Айленда, которые отражают географию формирования класса буржуазии в Соединенных Штатах³⁸.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЛЯ КАПИТАЛА

И последний — по порядку, но не по значению — момент связан с ролью государства, которое никогда не действовало так, как воображали либеральные доктринеры. Проводившая политику *laissez-faire* Британия имела огромный флот, эффективную систему налогообложения, бюрократию, центральный банк и законы. В остальной Европе государство действовало еще более решительно. Либеральный режим Соединенных Штатов также нуждался в сильной национальной конституции, способной подстегнуть экономическое развитие; но американцы сделали ставку на особую федеративную модель государства, которая оказалась действенным способом интеграции и управления обширной национальной территорией. Федеративный «зонтик» гарантировал свободное перетекание товаров, капитала и рабочей силы, а географическое представительство и автономия местных органов власти способствовали тесному сотрудничеству между штатом и бизнесом в деле регионального развития. Американским штатам удалось добиться роста, оказывая воздействие на банковское дело, инфраструктуру и трудовое законодательство. В частности, землепользование и строительство почти целиком находились в руках городских чиновников. В результате возникло множество конкурирующих коалиций, заинтересованных в росте и поддерживающих развитие коммерции; политическая экономия «старта с нуля» — важнейшая составляющая американской сцены.

Китайское руководство последовательно производило либерализацию экономики под пристальным взором государственного совета и коммунистической партии. Здесь примечательно, насколько этот переход изменил форму государства, высвободив силы капитализма. Преобразование вызвало метаморфозу, при которой собственность, рынки и капиталисты покинули кокон социалистического государства, а буржуазное общественное устройство, экономика и государство развились из старого способа производства. Реорганизация китайского государства привела к образованию необычайно сложной структуры. Некоторые наблюдатели говорят о «разрастании государства» и удивляются тому, что, несмотря на установление более либерального порядка, сокращения государства не произошло. Но суть не в том, стало государство меньше или нет, а в том, как оно было реструктурировано и что требовалось от его составляющих³⁹.

38 Fulong Wu, «Transplanting Cityscapes: The Use of Imagined Globalization in Housing Commodification in Beijing», *Area*, vol. 36, no. 3 (2004), pp. 227–234; Youqin Huang, «From Work-Unit Compounds to Gated Communities: Housing Inequality and Residential Segregation in Transitional Beijing», in Ma and Wu, *Restructuring the Chinese City*, pp. 192–221; Zhang, *Strangers*.

39 Vivienne Shue, «State Sprawl: The Regulatory State and Social Life in a Small Chinese

Переход Китая к капиталистическому государству произошел благодаря примечательному союзу между центральной и местной властью. С одной стороны, имеется сильная традиция административной иерархии. Центральное правительство контролировало каждый шаг при переходе к капитализму, отдавая указания в виде формальных законов, политических деклараций и общих заявлений. С другой стороны, Китай имеет давнюю историю рассеянного господства над своей обширной территорией со значительной степенью интеграции провинций и округов и автономией местных властей. Поэтому неудивительно, что важной составляющей перехода к капитализму была **большая децентрализация государства. Экономическая либерализация** и первоначальное накопление облегчились и даже ускорились в результате «спускания» власти на более низкий уровень⁴⁰.

При переходе к капитализму центральное правительство делало ставку прежде всего на города. С одной стороны, крупным городам была предоставлена относительная автономия, особенно четверке Пекина, Шанхая, Чунцина и Тяньцзиня и некоторым префектурам. Им были делегированы дополнительные полномочия на аннексирование территорий и включение округов и малых городов в сферу своего влияния⁴¹. Конечно, действительная степень автономии местных органов власти зависит от политической борьбы партийных фракций, властных блоков и заинтересованных групп. Хотя партийные секретари и мэры городов назначаются из центра, обычно такое назначение является результатом местной борьбы за влияние и власть партийных фракций крупных городов в коммунистической партии — и в 1990-х власть оказалась в руках шанхайской фракции.

Для достижения экономического роста местным властям в Китае была предоставлена широкая свобода действий. Муниципальные и провинциальные власти, а также руководство округов выступали в роли «смотрящих» за развитием, работая со всеми, кто обещал экономический рост. Местные чиновники имеют в своем распоряжении немало инструментов, способных влиять на него. Аннексирование территорий, изъятие сельскохозяйственных земель и расширение инфраструктуры пошли на пользу развитию городов. Передача собственности, льготная аренда и земельные банки были

City», in Deborah Davis et al., *Urban Spaces in Contemporary China*, pp. 90–113; Laurence Ma, «Urban Administrative Restructuring, Changing Scale Relations and Local Economic Development in China», *Political Geography*, vol. 24, no. 4 (2005), pp. 477–497; Shen, «Space, Scale and the State».

40 Ma, «Urban Administrative Restructuring»; Carolyn Cartier, «City-Space: Scale Relations and China's Spatial Administrative Hierarchy», in Ma and Wu, eds, *Restructuring the Chinese City*, pp. 21–38.

41 «Дикие» аннексии означают, что административные границы не совпадают с экономической территорией или зоной застройки крупных городов. Многие города и округа получили звание крупного города без веских оснований, пока центральное правительство не ужесточило правила в 2000-х и не вернуло некоторым провинциям их место в иерархии над крупными городами: Jae Ho Chung and Tao-Chiu Lam, «China's «City System» in Flux: Explaining Post-Mao Administrative Changes», *China Quarterly*, 180 (2004), pp. 945–964.

на руку застройщикам. Градостроительные планы, новые схемы застройки и дискурс модернизации способствовали преобразованию городского пространства. Налоговые льготы, отводы земельных участков и промышленные парки, а также гарантированное предложение рабочей силы (за счет манипуляций с системой прописки, подавления профсоюзов и выступлений протеста) способствовали развитию производства⁴².

Государственные и партийные чиновники на местном уровне вели себя весьма предприимчиво в содействии промышленному росту, строительству и торговле. Многие из них выступают в качестве руководителей государственных предприятий, а некоторые входят в состав советов директоров или имеют доли в частных компаниях. Другие играют роль посредников между государственным и частным сектором или между государственными ведомствами; третьи проворачивают дела на черном рынке, оказывают помощь за «вознаграждение» и используют неформальные связи. Кроме того, партийные кадры стали цениться за свою способность обеспечивать региональный рост, занятость и приток иностранных инвестиций. Личный престиж, вера в модернизацию и общий энтузиазм играют важную роль в деятельности чиновников, направленной на развитие городов.

Местные органы власти мотивируются прежде всего фискальным режимом, при котором их доходы зависят в большей степени от местных налогов, чем от перераспределения национальных доходов. В финансовом отношении Китай сегодня является одним из наиболее децентрализованных государств в мире⁴³. Основными источниками местных доходов являются налоги на прибыль и налоги с продаж, уплачиваемые предпринимателями. В 1980-х большая часть местных доходов по-прежнему поступала от государственных и поселковых предприятий, но с тех пор доля доходов, получаемых с частных предприятий, резко выросла. Другой важный источник доходов связан с земельной собственностью — рентой, арендой и комиссионными; и эти доходы резко выросли вместе с бумом собственности в 1990–2000-х. Кроме того, имеются некоторые внебюджетные доходы, которыми местные органы не обязаны делиться с вышестоящими органами⁴⁴.

В целом, китайская ситуация напоминает американскую федеральную систему и ее политику городского роста, позволявшую государственным и частным игрокам извлекать немалую прибыль. Закулисные сделки прекрасно знакомы в Соединенных Штатах, но обмен услугами и «вознаграждениями» производился к взаимной выгоде многих. То, что китайцы называ-

42 Fulong Wu, «Globalization, Place Promotion, and Urban Development in Shanghai», *Journal of Urban Affairs*, vol. 25, no. 1 (2003), pp. 55–78; Lan-Chih Po, *Strategies of Urban Development in China's Reforms: Nanjing 1984–2000*, doctoral dissertation, Berkeley 2001; Hsing, «Territorial Politics»; Wang, *China's New Order*.

43 Oi, «Fiscal Reform»; Shen, «Space, Scale and the State». Между органами власти различных уровней идет непрерывная борьба за контроль над территорией, доходами и земельными участками. Хотя национальное правительство изымало значительную часть местных доходов в 1990-х, в 2000-х оно предоставило муниципалитетам больший контроль над освоением земель.

44 Ho and Lin, «Emerging Land Markets»; Hsing, «Brokering Power».

ют guanxi, во многом схоже с тем, что американцы называют horse-trading. Конкуренция региональных властей в Китае также напоминает американский федерализм. В этом контексте нет смысла сетовать на дублирование и неэффективность местных начинаний⁴⁵. Опыт Соединенных Штатов и Китая свидетельствует о том, что этот широкий альянс между государством и капиталом действительно прекрасно способствует региональному развитию.

Центральное государство — это, конечно, совсем другое дело, и руководство коммунистической партии на протяжении долгого времени поддерживало свое влияние за счет некапиталистических источников государственных доходов, партийной организации и социалистической легитимности. Никто не ожидал, что, подобно местным органам власти, государственный совет выступит в роли повивальной бабки капитализма. В этом отношении китайская «развивающая диктатура» больше напоминает континентальный европейский опыт. Но имеются признаки нового обуржуазивания государства. Национальные чиновники все чаще тянут свои руки к прибыльным местным промышленным предприятиям и земельным участкам. Кроме того, в 2002 году было принято спорное решение о возможности принятия в коммунистическую партию частных предпринимателей; некоторые эксперты утверждают, что капиталистические кадры стали составлять большинство в национальном партийном руководстве⁴⁶.

Нашей целью здесь было рассмотрение изменений в китайских городах, показывающее, что КНР преодолела точку перехода к преимущественно капиталистическому порядку и что она двигалась по пути, не слишком отличающемуся от путей Европы и Северной Америки. Такие сравнения важны для китайских ученых и внешних наблюдателей, пытающихся понять экономическое развитие страны и оценить социальную обстановку в ней.

Использование классических марксистских терминов, вроде «перехода» и «первоначального накопления», само по себе предполагает критику капитализма. Хотя либералы отмечают положительные результаты — рост доходов, улучшение ситуации с жильем, доступность основных потребительских товаров и процветание городов, — за все это приходится платить высокую цену: растущее неравенство и жесточайшая эксплуатация рабочей силы; налицо высокий уровень безработицы и отсутствие гарантий занятости; свертывание социальных служб, занимающихся уходом за детьми и здравоохранением. Преуспевающих горожан и бедных крестьян, передовое восточное побережье и отсталые внутренние области разделяет бездонная пропасть. Кроме того, серьезный вред был нанесен окружающей среде: невероятное загрязнение воздуха, выбросы токсичных отходов и техноген-

45 Напр.: Hart-Landsberg and Burkett, *China and Socialism*, p. 56. См. также: Gabriella Montinola, Yingyi Qian and Barry Weingast, «Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China», *World Politics*, vol. 48, no. 1 (1995), pp. 50–81.

46 Bruce Dickson, *Red Capitalists in China: The Party, Private Entrepreneurs and Prospects for Political Change*, Cambridge, MA 2003; Wang, *China's New Order*; Hsing, «Territorial Politics».

ные катастрофы. Это заставляет нас вспомнить об ужасах промышленной революции в Британии, описанных в фабричных отчетах или исследованиях Мэйхью, посвященных лондонской бедноте.

Как изменить направление развития капитализма в Китае? Растет народное недовольство, вызванное загрязнением воды, сносом жилья и продажностью местных чиновников. Руководство компартии прекрасно сознает опасность волнений, и потому оно заявило о реформах и начале «кампании против коррупции». Но оно не позволяет народу создавать организации и отстаивать свои интересы; все демократические проявления решительно подавлялись и подавляются — от площади Тяньаньмэнь до Web 2.0.

Это поднимает последний вопрос. Если Китай становится все более либеральным государством с рыночной экономикой, то почему в нем не происходит никакой либерализации политики? Согласно конвенциональной либеральной точке зрения, демократические свободы напрямую вытекают из частной собственности и рынка. Тем не менее, несмотря на возможную связь между парцелляцией экономического суверенитета в руках буржуазии и ослаблением государственного абсолютизма, этих процессов не было достаточно для установления демократического порядка. Западные государства обрели реальную свободу только благодаря народным волнениям, дисперсии собственности, созданию профсоюзов, расширению избирательных прав и политической борьбе на протяжении более чем двух долгих и трудных столетий, в течение которых Британия цепко держалась за своих монархов и пэров, Соединенные Штаты — за рабство и расизм, Франция вернулась к императорам и короля, а Германия и Италия сдались на милость фашистских диктаторов.

Почему мы должны думать, что сегодня дела в Китае будут обстоять иначе? Отмена права на забастовку в конституции 1982 года и расстрел диссидентов в 1986 и 1989 годах — классические примеры мучительного рождения капиталистического порядка, сопоставимые с Питерлоо в Англии или Великой железнодорожной забастовкой в Соединенных Штатах. К тому же, в жестоких репрессиях китайского государства нет ничего удивительного, учитывая сохраняющуюся монополию компартии на политическую власть (и это важная составляющая особого пути КНР к капитализму). **Неизбежный переход** к демократии в таких обстоятельствах является либеральной фантазией. Китайскому народу придется пережить длительный и сложный период борьбы, чтобы приручить сорвавшегося с привязи зверя.

Перевод с английского Артема Смирнова